

9(с)2

A659

К. АНДРИАСОВ

Сын
Зангезура

АРМГИЗ
ЕРЕВАН 1943

891.99-3
А65

9(0)2

МИХ. АНДРИАСОВ

А 659

СЫН ЗАНГЕЗУРА

Герой Советского Союза
САМСОН МКРТУМЯН

1939

Полтавская Областная
БИБЛИОТЕКА

АРМГИЗ
ЕРЕВАН 1943

Обложка художника
В. В. Сурьянинова

03

470418

83

Державна історична
бібліотека УРСР

10

Великанами стоят над Арменией горы Зангезура. Немые громады скал, рассекающие облака, таят в себе суровое величие. Веками у подножий вершин шли жестокие битвы. Огнем окутывались крепостные стены, черный дым тянулся по ущельям. Непрístupная природа помогала зангезурцам защищать свои кровли, отбрасывать врага от родного края. Бесчисленные нашествия иноземных захватчиков не могли покорить храбрецов Капуджиха. Зангезур научил своих сынов высоко держать воинственное достоинство горца, его свободу и независимость.

В селении Брнакот живет Мовсес Мкртумян. У него три сына—Хачатур, Папо, Самсон. Ради них живет старый крестьянин, недавно похоронивший жену. Когда кончаются дневные заботы, Мовсес усаживает сыновей на колени. Большими, почерневшими от земли руками он обнимает черноглазых мальчуганов,

треплет их нечесанные волосы. подолгу смотрит на каждого, словно впервые видит, и не нарадуется сыновьями сердце отца.

Хачатур уже большой, он помогает Мовсесу в труде. Папо нанялся пастухом к соседу, а третий, Самсон, самый младший, беспокойный, юркий мальчик, еще сидит дома, бегаёт по двору, доставляя неприятности ленивому и вороватому коту Василию. Иногда Папо берет с собой Самсона на пастбище. Тогда Самсон счастлив. Он подробно рассказывает отцу обо всем увиденном. С каким интересом проходит Самсон мимо пещеры, что тянется над родником. В ней живет огромный черный медведь, который, по уверению Самсона, умеет плакать и разговаривать

Мовсес смеется. Мальчику не нравится это. Он хмурится:

— Ты не веришь мне...

Отец гладит сына по голове и спрашивает: — Это он тебе рассказывал про говорящего медведя? — отец указывает на Папо.

Самсон утвердительно кивает головой и решительно объявляет:

— Ты не смейся. Папо знает этого медведя. Папо к нему в гости ходил. Медведь любит нашего Папо.

Теперь, вместе с отцом смеются старшие братья.

— Забава ты наша, — ласково говорит отец. — Веселый Самсон наш...

II

В горах ударила гроза. В жаркий день неведомо откуда примчался ветер. Он разорвал в клочья белые облака, заволок небо тяжелыми тучами, и тотчас же над горами гулко разорвался удар грома. Стрела молнии рассекла черные тучи. Полил сильный дождь.

Мовсес и старший сын были дома. Папо и Самсон — на пастбище. Отец забеспокоился. Он тревожно поглядывал на Хачатура, потом сказал:

— Как бы чего не вышло. Испугаются дети. Боюсь за Самсона.

Хачатур понимающе взглянул на отца. — Я пойду отыщу их. — Он надел высокую овечью шапку, накинул на голову кусок рогожи и направился к выходу.

— Подожди, — остановил Мовсес сына. — Пойдем вместе.

Они вышли. Дождь хлестал по лицу, стекал крупными каплями с одежды. Итти против ветра было трудно.

— Пойдем в ближнее ущелье, — сказал отец.

— Папо во время дождя всегда прячет там стадо.

Дождь не ослабевал. Раскаты грома перекатывались над горами; то в одном, то в другом месте взвивалась и гасла молния.

Предположение отца оказалось правильным. В ущелье, над которым смыкающиеся стены скал образовывали каменный свод, недалеко от испуганно сжавшегося стада стоял Папо. Лицо его выражало тревогу. Отец и Хачатур почуяли недоброе

— Самсон где?— изменившимся голосом спросил Мовсес.

— Самсон...—голос Папо оборовался. Он перевел дыхание.—Я не знаю, где Самсон... Когда началась гроза, он был у родника... Потом я побежал туда, но его уже там не было... Он верно заблудился. Я пришел один... Я не мог бросить стадо...

Отец был зол. Он строго смотрел на Папо, но ни слова не сказал ему.

— Идем, Хачатур,—позвал он старшего сына, и они вышли из ущелья.

Больше часа искали маленького Самсона. А когда нашли его, дождь уже стихал. Сбившись с пути, Самсон оказался у крутого обрыва! Надо было немедленно возвращаться назад или здесь же где-либо укрыться.

Мальчик прислонился к огромному камню и так стоял пока бушевала непогода.

Первым увидел брата Хачатур.

—Смотри, отец, вон Самсон— закричал он.

—Самсон, Самсон!—громко стали звать они. Отец и Хачатур почти бежали. Вдруг, совсем недалеко от того места, где стоял Самсон, раскинув широкие черные крылья, от скалы оторвалась большая птица.

— Орел! — заметил отец. — Это он от нас уходит.

Выпрямившись во весь рост, не замечая отца и брата, широко раскрытыми глазами Самсон смотрел на медленно поднимавшуюся огромную птицу. Казалось, мальчик был напуган. Потом он увидел своих. Промокший, посиневший от холода бросился к отцу.

— Папа!

Дождь прошел. Над горой, в голубом небе сияла радуга. Она переливалась какими-то необычными, сказочно красивыми красками.

Отец и сыновья вернулись в дом. Самсона уложили в постель, укрыли одеялами. Вечером, когда ему стало лучше, отец спросил:

—Скажи мне, мальчик, ты почему так пристально смотрел тогда на орла? Ты испугался его?

— Нет, отец, — ответил Самсон. — Я не

испугался его. Я смотрел и думал: как хорошо ему. Я вот заблудился и не мог разыскать наш дом. А он не захотел сидеть, поднялся, взмахнул крыльями и полетел к себе, Хорошо быть орлом, очень хорошо.

III

Прошло одиннадцать лет.

Восемнадцатилетним юношей пришел в Баку из Зангезура Самсон Мкртумян. Нефтяные промыслы Биби-Эйбата стали его университетом. Он вступил в комсомол. Неугомонный, решительный в деле чернорабочий Самсон через три месяца стал штанговщиком, потом помощником бурильщика а через шесть месяцев — бурильщиком. Делового, ведущего в работе юношу молодые нефтяники избрали секретарем промыслового комитета комсомола.

В августе 1933 года бакинцы послали Мкртумяна в Сталинградскую летную школу. Сбывалось заветное желание Самсона. Он завидовал орлу... Он учился летать, как орел.

Через три года Мкртумян успешно окончил школу. Потом учился в Борисоглебске, овладевая техникой и искусством высшего пилотажа.

Самсон стал летчиком. Часть, в которой служил он, стояла на Украине.

В буднях боевой учебы совершенствовалось его летное мастерство.

IV

Село утопало в вишневых садах. Густые ветви деревьев припадали друг к другу, образуя сплошной зеленый массив. В редких просветах между деревьями бросались в глаза большие побеленные хаты.

За селом, откуда шла к садам прохлада, шумела река. Она бежала, широко разметавшись по степи, словно ее сбросили с какой-то огромной высоты. И не потому ли над степью так радостно летела песня, что бросали на берег беспокойные несмолкаемые волны. Река радовалась вольности своей, просторам цветущих берегов. Под лучами солнца серебром переливались искрящиеся волны и, казалось, будто они улыбаются от счастья, что скоро встретятся с морем, бросятся в его безбрежные, синие объятия.

Задумчиво стоял на берегу Самсон. Ему чудилась Армения, молчаливые горы, родные зангезурские напевы. Вспомнилась Занга,

порывистая, бурная, похожая на людей Айкастана.

— О чем ты?—спросил Мкртумяна товарищ его, старший лейтенант Александр Кравченко. Он многозначительно улыбнулся, — вижу, друг мой, грустишь. О ком это?

Мкртумян резко повернул голову, словно хотел сбросить нахлынувшие на него воспоминания.

— Нет, не грущу. Так просто. Хорошо здесь, не село, а болшебный край. До того хорошо, что перед глазами встают родные места, земля, где родился, мальчишкой бегал. У вас здесь степи, просторно, а у нас горы. Мы привыкли к ним, нам в горах привольно. А вот песни украинские—веселые, грустные, иногда протяжные, похожие на наши. Знаешь, Александр, в ваших песнях мне слышится порой нежная, чарующая грусть наших ашуггов. Сознаюсь—соскучился по Армении, хочется вновь увидеть ее...

Александр внимательно слушал друга, понимал какие чувства волнуют его.

— Соскучился? Это хорошо. Интересней будет, когда приедешь.

Он взял Самсона за руку.— Я на твоей родине никогда не был, но слышал о ней немало. У вас есть красивое озеро Севан. Го-

ворят, оно в горах, как чаша среди горных вершин. И говорят, что в этом озере водится необыкновенная рыба — золотая форель с короной на голове...

Самсон засмеялся.

— Ну и шутник ты! Короны на голове у нее нет, но севанская рыба действительно превосходна. Ее у нас называют Ишха-дзук, что означает по русски царь-рыба. Будет отпуск, поедем со мной

— У Севана погуляешь, старинный монастырь, что на острове посреди озера, осмотришь и царь-рыбу увидишь.

— Поеду, непременно поеду.

Друзья направлялись к селу. Мягко леглась под ногами высокая трава, словно кто раскинул в степи бескрайний ковер.

Сгущались сумерки. В саду хозяйки, в доме которой жили летчики, уже стоял стол, покрытый белоснежной скатертью. На столе было варенье, только что сорванные вишни, сахар, высокие румяные пышки.

— Пожалуйста чай пить,—любезно пригласила Мкртумяна и Кравченко хозяйка Екатерина Петровна, среднего роста, полная женщина. В это время дочь ее Галина, белокурая стройная девушка лет восемнадцати,

несла к столу об'ятый паром самовар. Самсон бросился навстречу.

Сели за стол, говорили оживленно. Смеялись. Из степи доносились песни. Завели патефон.

Темно-синее небо было усыпано звездами. Когда укладывались спать, Самсон подсел к приемнику и долго возился с ним. Ему хотелось что-либо услышать из Еревана. Но его радио-поиски не увенчались успехом.

Наступила ночь. В селе воцарилась тишина.

Не знали люди, что это была последняя мирная ночь, что проходили последние предвоенные часы.

Летчиков разбудил посыльный.

— Тревога!

Быстро оделись.

Вдали, где стоял город, громыхали разрывы.

— Что это, господи... — тревожно вздыхала Екатерина Петровна.

Через несколько минут Мкртумян и Кравченко получили первое боевое задание.

Немцы бомбили Киев.

То был рассвет воскресенья 22 июня 1941 года.

Началась война.

В первых же боях Самсон покрыл свое имя славой. Воинственный дух зангезурца превосходно сказался в многочисленных воздушных сражениях,

Вскоре он стал командиром.

...Самсон спешил на помощь летчику Левашеву. Положение Левашова было тяжелым. Он один дрался против трех «Мессершмиттов». Немцы пытались зайти в хвост советскому пилоту, чтобы бить в него наверняка. Но Левашов искусно изворачивался. В самые опасные мгновения он внезапно бросал свою машину в просторы неба, поражая противников неожиданными действиями.

А «мессеры» наседали. Мкртумян торопился, он подходил все ближе. Решив ударить по немцам сверху, капитан набирал высоту, чтобы скрытно подойти к гитлеровцам. Поднимаясь, он попрежнему продолжал внимательно следить за ходом боя. Вдруг произошло событие, изумившее Самсона. Однако в ту же минуту изумление сменилось довольной улыбкой. Что же в такое напряженное время могло вызвать улыбку на лице капитана?

Николай Левашов недавно пришел в подразделение Мкртумяна. Молодой летчик,

только месяц назад окончивший школу, совершал свои первые боевые вылеты. Разве не это торопило капитана к месту воздушной схватки на выручку младшего лейтенанта?! И вот, когда, казалось, немцы одолевали Левашова,—произошло неожиданное. Мкртумян видел, как вынырнувший из-за облаков «Мессершмитт» незаметно подошел со стороны к Левашову и дал по нему длинную очередь. В ту же секунду машина младшего лейтенанта, беспомощно колыхаясь, пошла вниз—«Неужто погиб?»—пронеслось в сознании Мкртумяна. Но уже в следующую секунду он понял намерение Левашова. Младший лейтенант перехитрил немцев. Ловко изображая падающую машину, он перешел в «бочку» едва довел ее до половины, вышел из «бочки» и ринулся на «мессера», который к этому времени уже проскочил далеко вперед. Левашов зашел ему в хвост и поджег его.

Все это произошло в какие-то неуловимые доли минуты. Хитрость и умение Левашова обрадовали капитана и, радуясь подвигу своего ученика, он широко улыбался. Между тем наступал решающий момент боя. Немцы, у которых тройное превосходство вызывало в начале схватки уверенность, доходившую до наглости,—теперь стали действовать осторож-

нее. Один из немцев зашел сбоку, готовясь атаковать Левашова. Однако было поздно. Самсон орлом бросился сверху на атакующего «мессера» и сбил его.

Появление любимого командира, казалось, принесло молодому летчику новые силы. Без страха обрушился он на третью фашистскую машину и яростно вогнал ее в землю.

Победители возвращались на аэродром. Когда машины приземлились и пилоты вышли из кабин, Левашов, усталый, утомленный неравным боем, с простреленной, окровавленной рукой подошел к Самсону и поцеловал его.

— Благодарю вас, капитан,— сказал он.
— Вы спасли мне жизнь.

VI

То было время жестоких кровопролитных боев в предгорьях. Заняв Нальчик, немцы рвались к Владикавказу. Германские танки вошли в пригородное селение Гизель; немецкие автоматчики уже просачивались к окраине города. Враг изо всех сил тянулся к Военно-Грузинской дороге, к воротам Грузии, Азербайджана, Армении.

Командующий воздушной армией генерал-майор вызвал Мкртумяна.

Полтавська обласна
БІБЛІОТЕКА

Державна історична
бібліотека УРСР

470418

— Капитан Мкртумян! Вы — армянин да еще зангезурец. Вы в горах, как в своем доме. Составьте эскадрилью из пилотов, хорошо знающих Кавказ. Назначаю вас командиром этой эскадрильи, приказываю: ударом с воздуха сжечь немецкие танки в районе Гизеля, силами эскадрильи помочь наземным войскам остановить на этом участке гитлеровцев, разбить их!

Самсон вышел из палатки. Волевое, немного угловатое лицо Мкртумяна было, как всегда, спокойно. Но в душе, в сердце подымалась большая, необычная сила. Капитана волновала важность полученного приказа: разбить немцев, отстоять Владикавказ, не пустить врага в родную Армению, к цветущим долинам Грузии, к черному золоту Азербайджана.

Азербайджан. Баку... Черное море нефти! Как близко и дорого оно сердцу Самсона. В этом городе он был секретарем Ворошиловского райкома комсомола. Гордитесь, бакинцы, радуйтесь военной доблести воспитанника азербайджанского комсомола!

...«Отстоять Баку! Разбить немцев!» — в суровые ноябрьские дни 1942 года у Мкртумяна не было другой более жизненно важной цели.

Над осетинскими селениями завязались ожесточенные воздушные бои. Каждый день

летчики эскадрильи Мкртумяна сжигали по несколько вражеских танков, уничтожали автомашины противника, радиостанции, истребляли его живую силу. Самсон неизменно находился во главе эскадрильи, участвовал в боях. В одном из этих сражений на самолет Мкртумяна напали пять немецких истребителей. Штурмовая машина Самсона имела меньшую скорость, чем самолеты немцев. Один из «Мессершмиттов» стремительно подходил к Мкртумяну, за ним шли остальные. Ближний истребитель уже открыл огонь. И тогда Самсон резко взял рычаг на себя, поднял машину. Она на мгновение застыла в воздухе.

Когда немецкий летчик по инерции пролетел снизу, Мкртумян обстрелял и поджег фашистскую машину. С разбитой левой плоскостью и пробитым бензобаком, объятая огнем, она камнем пошла к земле.

Теперь против Самсона было четыре «Мессершмитта». Они ожесточенно обстреливали самолет Мкртумяна. Вражеские снаряды в четырех местах пробили самолет капитана, перебили электроуправление, попали в мотор. Однако меткие снаряды Мкртумяна успели сбить второй «Мессершмитт». В перестрелке Самсон был ранен в голову, в плечи. Беспомощно повисла правая рука. Истекая

кровью, Самсон повел свой горящий самолет на посадку. Оставались минуты, а садиться нельзя было—внизу тянулись горы, ущелья, скалы. Но он все-таки приземлился. Он сел в окрестностях Владикавказа, на склоне горы, под углом 48 градусов. Это была виртуозная посадка. Он успел еще, этот воин-исполин, потомок Сасунского Давида, вынести из горячей машины радиостанцию, парашют, ценные приборы...

Обессиленный от потери крови, но не побежденный, Самсон едва лишь успел отползти от места посадки, как пламя охватило мотор, бензобаки, и машина взорвалась. В изнеможении Мкртумян упал на камни.

VII

В маленькой танкетке скрытой горной дорогой возвращалась с разведки в свою часть танкистка Валя Александрова. Она все видела: и сбитые советской машиной «Мессершмитты», и короткий бой, и опустившуюся на склоне горы, окутанную пламенем краснозвездную машину.

Танкетка остановилась. Валя разыскала пилота. Она осторожно подняла его окровавленную голову. Ее встретил острый, горящий взгляд темнокарих глаз.

— Что, товарищ капитан, будем жить?
— мягко спросила танкистка.

— Будем... Обязательно будем,—шептали воспаленные губы.—Спирт у тебя есть?—тяжело переводя дыхание, сказал Самсон.

— Есть. А для чего? Раны промыть?

— Нет, выпить...

Оба улыбнулись. Валя протянула ему флягу.

Потом она промыла раны, перенесла его в танкетку и отвезла в госпиталь.

Это было семнадцатого ноября.

Славно сражалась эскадрилья Мкртумяна. В те дни она сожгла в районе Гизеля 86 немецких танков. Девятнадцатого ноября было опубликовано специальное сообщение Советского Информбюро о поражении немецких войск в районе Владикавказа. В этом успехе была доля самоотверженной борьбы эскадрильи Мкртумяна. А еще через две недели появился правительственный указ о присвоении выдающимся защитникам Владикавказа звания Героя Советского Союза. Среди них было и имя Самсона Мкртумяна.

Тогда в Дербент, в госпиталь приехала поздравить капитана Валя Александрова. Она привезла с собой яблоки, папиросы, вино. Так

они подружились—закавказский армянин и русская девушка из Москвы.

...Много лет прошло с тех пор, как покинул Самсон родное селение. Давно умер старый Мовсес: Не довелось ему узнать, что любимый сын его Самсон стал прославленным воином, бесстрашным летчиком, горным витезем-орлом. Не узнал Мовсес и о том, что пастушонок Папо теперь храбрый командир Красной Армии, отличившийся в боях офицер, награжденный двумя орденами Ленина.

VIII

В майский день сорок третьего года, в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин вручал ордена и медали награжденным. Первым к товарищу Калинин у подошел прибывший с Южного фронта Самсон Мкртумян. Михаил Иванович поздравил героя, вручил ему орден Ленина и медаль «Золотая звезда».

Мкртумян поцеловал орден, Золотую звезду, поклялся:

— Родине принадлежит моя жизнь—Армении, великому русскому народу, Маршалу Сталину. Обещаю вам, дорогой Михаил Иванович, истреблять немецких захватчиков до

полной победы, уничтожить их до тех пор, пока в груди моей бьется сердце! Клянусь, что до конца исполню свой воинский долг.

Михаил Иванович тепло обнял капитана, сфотографировался с ним.

...Пусть узнают в Армении о славном сыне Самсоне Мкртумяне. Пусть узнают о его боевых делах нефтяники Баку, узнают об этом на родине летчика—в Зангезуре, в Сисианском селении Брнакот. Узнают и ответят подвигами в труде, достойными военной доблести Самсона.

1938
Получено в [...]
[...]
[...]

Ответ. редактор
С. Е. Бондаренко

ВФ 04720. Заказ 67³. Тираж 4000. $\frac{2}{3}$ печатного листа

Подписано к печати 30/XII—43 г.

Типография Армгиза, Ереван, 1943